

США И ПРОБЛЕМА ПРО

Анатолий Розанов

1 мая 2001 г., выступая в Национальном университете обороны в Вашингтоне, президент Буш очертил в самом общем виде контуры подхода нынешней американской администрации к проблеме ПРО. В речи президента отсутствовали какие-либо конкретные детали, она была насыщена пассажами, претендующими на концептуальное видение проблемы. Некоторые из них примечательны. Например, замечание о том, что Договор по ПРО "основан на доктрине, в соответствии с которой само наше выживание может быть обеспечено наилучшим образом, если обе стороны останутся полностью открытыми и уязвимыми для ядерной атаки" ¹. Это, по мнению Буша, порочная логика времен "холодной войны", которая не подходит для сегодняшнего мира. Мы должны, утверждал президент, стремиться к безопасности, основанной на чем-то большем, чем мрачная посылка "взаимного гарантированного уничтожения".

Ключевое положение речи сводилось к тому, что необходимы "новые концепции сдерживания, которые опираются как на наступательные, так и на оборонительные силы". Сдерживание не может и дальше основываться только на угрозе ядерного уничтожения. Оборонительные вооружения способны "усилить сдерживание" посредством уменьшения стимула к распространению оружия массового поражения и ракетных средств его доставки.

В этой связи Буш призвал к тому, чтобы создать "новые рамки", которые позволили бы США развернуть систему ПРО, выйти за пределы ограничений Договора по ПРО, который "воплощает в себе прошлое", игнорирует настоящее и не указывает путь в будущее.

Исторический ракурс

В июне 1967 г. в Глассборо (штат Нью-Джерси) состоялась встреча А. Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном, на которой американская сторона подняла вопрос о советской системе ПРО вокруг Москвы и предложила заключить соглашение об ограничении систем противоракетной обороны. Тогдашний министр обороны США Р. Макнамара убеждал А. Н. Косыгина в том, что развертывание системы ПРО имеет дестабилизирующий характер по двум основаниям: во-первых, оно будет стимулировать гонку вооружений, поскольку каждая из сторон будет стремиться к преодолению ПРО другой стороны; во-вторых, в кризисной ситуации система ПРО будет провоцировать первый удар стороной, которая не имеет такой системы. Макнамара доказывал, что "стабильность гонки вооружений" и "кризисная стабильность" будут сохранены в том случае, если США и СССР останутся незащищенными от ядерного удара. Подобная линия рассуждений породила идею "взаимного гарантированного уничтожения" как основы сдерживания в ядерный век ².

А. Н. Косыгин, согласно американским источникам, не поддержал такого рода подход, изложил тогдашнюю советскую точку зрения, в соответствии с которой оборонительное оружие не является причиной гонки во-

оружений. В тех условиях СССР не был готов пойти на договоренность по ПРО, поскольку это было бы выборочное ограничение только одного вида стратегических средств, не затрагивавшее программы наступательных вооружений, где США были впереди. Считается, что в то время СССР опережал США в области ПРО. Позднее, в мае 1972 г. были **одновременно** подписаны соглашение ОСВ-1 и Договор по ПРО.

Корни обсуждения проблемы ПРО в США уходят в дискуссию о предложенной в 1967 г. системе ПРО "Сентинел", которая была ориентирована на неплотное прикрытие территории США. В марте 1969 г. президент Р. Никсон, признав техническую невозможность и политическую уязвимость создания территориальной ПРО, заменил программу "Сентинел" программой объектовой ПРО "Сейфгард", нацеленной на защиту части наземных стратегических сил США. Дискуссия затем вступила в новую фазу, сфокусированную на целесообразности защиты межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. Позднее программа "Сейфгард" была свернута ввиду ее технологических недостатков, а также в связи с тем, что основу стратегического ядерного потенциала США составляют баллистические ракеты подводных лодок.

Подписание в мае 1972 г. советско-американского Договора по ПРО, отразившего стремление сторон избежать намечавшейся гонки стратегических оборонительных вооружений, по существу, положило конец тогдашним острым дебатам по проблеме ПРО в Соединенных Штатах. Договор по ПРО ограничил каждую из сторон двумя стационарными комплексами ПРО с общим разрешенным числом боевых противоракет для каждой стороны в 200 единиц. В 1974 г. был подписан протокол к Договору по ПРО, который свел число разрешенных комплексов ПРО до одного у каждой стороны со 100 противоракетами на боевых позициях. Договор по ПРО зафиксировал ясное понимание, что только взаимная сдержанность в области противоракетных систем позволит продвигаться вперед по пути ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений.

При обсуждении Договора по ПРО в Сенате США далеко не все сенаторы и специалисты поддержали позицию, согласно которой в интересах поддержания стратегической стабильности надо оставаться беззащитными от ядерного удара. Сенатор Г. Джексон и его сторонники отвергли "логику Макнамары". Они убеждали в том, что Соединенные Штаты должны использовать свое технологическое превосходство, чтобы защитить города и военные объекты США от ядерного нападения. Как в то время, так и сейчас в стратегическом сообществе Соединенных Штатов имеется многочисленная и влиятельная группа специалистов, которые считают, что идея незащищенности в ядерный век сама по себе порочна.

На протяжении 70-х гг. в США вопросы ПРО обсуждались преимущественно в специальной литературе, в сравнительно узком кругу военных экспертов и, казалось, постепенно утрачивали свою актуальность.

Розанов Анатолий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Однако в начале 80-х гг. появились признаки иных ориентаций в области стратегических оборонительных вооружений, связанных с надеждами на использование в системах ПРО передовых технологий, компонентов, основанных на новых физических принципах.

В марте 1983 г. президент Р. Рейган обнародовал так называемую "стратегическую оборонную инициативу" (СОИ), заявил о необходимости создать "лучшую форму сдерживания" ("оборонительное сдерживание"). Программа СОИ подавалась широкой публике в антиядерной упаковке — как многообещающий путь к девальвации ядерных вооружений, упразднению "баланса страха" и принципа "взаимного гарантированного уничтожения". Взгляды президента Рейгана на "оборонительный щит" не имели широкой поддержки в военном истеблишменте, однако СОИ создавала своеобразное политическое прикрытие для оправдания высоких расходов на военные исследования и разработки в области новых технологий. Недекларированная, но весьма существенная цель этой программы заключалась также в том, чтобы спровоцировать ответную реакцию советской стороны, втянуть СССР в новый виток разорительной гонки вооружений и тем самым усугубить обострявшиеся экономические проблемы, вызвать "перегрев" советской экономики.

Уже в 80-х гг. в апологетике СОИ делался упор на некий "революционный" характер программы, ее мнимую способность произвести радикальный переворот в военно-стратегическом мышлении. Характерно, что такого рода тезис является одним из ключевых в обиходе доводов, к которым прибегает и нынешняя американская администрация в проталкивании планов ПРО. Однако в действительности СОИ не произвела никакого "переворота" в стратегическом мышлении, о котором первоначально заявлялось. Она продемонстрировала не "революционный" подход к обеспечению безопасности, а утвердившуюся в милитаризованном мышлении ущербную логику военно-технических решений проблем безопасности. Концепция сдерживания, основанная на "взаимном гарантированном уничтожении" так и не была сдана в архив. Исходные ее послышки сохраняют свое значение и в наши дни. Конечно, ситуация "равновесия страха", взаимная уязвимость перед ядерным ударом — не самое оптимальное положение в стратегической сфере. Но преобразование этой ситуации должно идти прежде всего в русле последовательного понижения уровня ядерного противостояния вплоть до полной ликвидации ядерного оружия, а не путем дополнения имеющихся стратегических наступательных средств чрезвычайно сложными, дорогостоящими и малоэффективными оборонительными вооружениями.

Немалую настойчивость в обосновании стратегии США, которая исходила бы из сочетания наступательных и оборонительных стратегических систем, проявил в те годы небезызвестный З. Бжезинский. Показательно, что еще в 1986 г. в своей книге "План игры" он высказался за то, чтобы США предложили пересмотреть Договор по ПРО, который, с его точки зрения, основан на устаревших стратегических постулатах "взаимного гарантированного уничтожения"³. Бжезинский ратовал за переход к ситуации "взаимной стратегической безопасности" через развертывание систем ПРО.

Несмотря на то, что в годы президентства Рейгана на программу СОИ были выделены значительные средства, к концу 80-х гг. стало ясно, что развернуть широ-

комасштабную систему ПРО с элементами космического базирования не представляется возможным.

Когда в 1989 г. Буш-старший сменил Рейгана на посту президента, объем финансирования программы СОИ сократился, а сама программа была перефокусирована преимущественно на исследования. Война в Персидском заливе существенным образом повлияла на логику противоракетной обороны. Стало очевидно, что Соединенным Штатам нужна не масштабная космическая ПРО, а ПРО театра военных действий наземного и морского базирования. Сенатор С. Нанн и конгрессмен Л. Эспин приложили немало усилий к тому, чтобы Сенат и Палата представителей Конгресса США приняли Закон о противоракетной обороне 1991 г., который нацеливал на создание систем ПРО театра военных действий для защиты сил передового базирования США и их союзников.

Администрация Клинтона заняла достаточно осторожную позицию относительно ПРО. Разведывательные оценки, подготовленные для президента, свидетельствовали о том, что так называемые страны-изгои, к которым в США относят Северную Корею, Иран, Ирак и Ливию, не смогут создать ракетную угрозу для США в ближайшие 15 лет. Администрация сформулировала программу "3+3", в рамках которой 3 года отводилось для оценки технологической возможности создания национальной ПРО. После этого предполагалось развернуть систему ПРО в течение 3 лет, если будет выяснено, что система может быть развернута, а также если ракетная угроза будет требовать этого.

Конгресс США занял более жесткую позицию в вопросах ПРО, чем администрация Клинтона. Республиканцы критиковали президента за то, что у него не было четкого плана и проекта развертывания национальной ПРО. В 1998 г. Д. Рамсфелд (нынешний министр обороны) возглавил комиссию влиятельных экспертов, которая 15 июля 1998 г. опубликовала доклад, где говорилось, что прежние национальные разведывательные оценки потенциала стран-изгоев неверны. Такие страны, как Северная Корея и Иран, дескать, смогут угрожать Соединенным Штатам уже через 5 лет, если примут соответствующее решение (применительно к Ираку в докладе указан срок 10 лет)⁴. Вскоре после публикации доклада, 31 августа 1998 г., Северная Корея провела испытание ракеты с дальностью полета 2500 миль. Это испытание удивило представителей разведывательного сообщества США тем, что ракета имела третью ступень, необходимую для достижения межконтинентальной дальности. Хотя в целом испытание не было успешным (не произошло отделение третьей ступени), оно оказало воздействие на позицию администрации Клинтона. Президент заявил, что он отдаст распоряжение о развертывании национальной ПРО, ориентированной на отражение ограниченного ракетного нападения, как только это станет технологически возможным.

В январе 1999 г. Сенат и Палата представителей Конгресса США приняли новый Закон о противоракетной обороне, который 23 июля 1999 г. был подписан президентом. Закон провозгласил "политику Соединенных Штатов развернуть, как только это станет технологически возможным, эффективную национальную противоракетную систему против ограниченных ударов баллистических ракет (случайных, несанкционированных или преднамеренных)..."⁵.

В августе 1999 г. президент принял решение о том, что первоначальная архитектура ПРО будет включать 100 ракет-перехватчиков наземного базирования, размещенных на Аляске, радар нового типа на о. Шемия (Алеутские острова), 5 усовершенствованных станций системы предупреждения о ракетном нападении (в штатах Массачусетс, Калифорния и Аляска, а также в Великобритании и Гренландии) и систему боевого управления. Администрация Клинтона израсходовала примерно 5,7 млрд дол. на работы в области территориальной ПРО. Стоимость всей первоначальной системы была оценена в 24,4 млрд дол. Тем не менее окончательное решение о развертывании такой ПРО принято не было. 1 сентября 2000 г. Белый дом выступил с заявлением, в котором говорилось, что, хотя программа ПРО является "обещающей" и доступной по стоимости для того, чтобы продолжить дальнейшие исследования и испытания, "нет достаточной информации относительно технической и оперативной эффективности всей системы ПРО для перехода к ее развертыванию". Видимо, было принято во внимание, в частности, и то, что два из трех проведенных испытаний ракет-перехватчиков оказались неудачными (всего потребуются 20 испытаний).

Аргументы сторонников и противников ПРО

Аргументация сторонников развертывания национальной ПРО в США сводится главным образом к следующим положениям.

1. Угроза со стороны стран-изгоев якобы реально существует. США должны как можно скорее развернуть систему ПРО, ибо иметь хотя бы ограниченную ПРО все же лучше, чем не иметь никакой.

2. Расходы на ПРО составят небольшую часть военного бюджета (примерно 1 % на ближайшие годы).

3. Ускоренно развернув ПРО, Соединенные Штаты получат максимальную свободу действий в региональных кризисах и конфликтных ситуациях. Не будучи уязвимыми перед лицом ограниченного ракетного удара со стороны стран-изгоев, США смогут без колебаний и опасений применять свои вооруженные силы.

4. Система ПРО не будет направлена против России или Китая. Если Россия не согласится с таким подходом и не пойдет на модификацию Договора по ПРО, то прекращение его действия не будет большой потерей, поскольку он создает лишь иллюзию безопасности. Европейские союзники США могут проявлять нервозность по поводу ПРО, но в конце концов согласятся с позицией Соединенных Штатов.

Критики программы национальной ПРО в США выдвигают свои аргументы, суть которых состоит в следующем.

1. Реализуемость системы ПРО в технологическом отношении не доказана. В ходе некоторых испытаний, по-видимому, имело место некоторое "взаимодействие" между целью и перехватчиком, чтобы обеспечить успешный результат. Но даже если в технологическом плане система реализуема, ее легко можно преодолеть путем "насыщения", массированного удара, использования ложных целей, имитирующих реальные боеголовки, а также "ослепления" датчиков и сенсорных устройств, от которых зависит ее работа.

2. Миллиардные расходы на развертывание ПРО будут постоянно возрастать, это нанесет ущерб финансированию программ развития обычных вооружений.

3. Соединенные Штаты способны улучшить отношения с Северной Кореей и Ираном, и это, возможно, приведет к снижению враждебности этих стран по отношению к США. Развертывание ПРО, ориентированной против этих государств, не отвечает насущным политическим задачам, особенно если иметь в виду, что ПРО все равно не будет сколько-нибудь эффективной.

4. Развертывание системы национальной ПРО будет означать прекращение действия Договора по ПРО и может повлечь за собой возврат к напряженности в отношениях США—Россия. Такого рода развитие может задержать прогресс России в направлении демократизации и рыночной экономики. Развертывание национальной ПРО, а также ПРО в Восточной Азии самым серьезным образом осложнит американо-китайские отношения, не давая приращения безопасности США. Кроме того, европейцы будут рассматривать эти инициативы Соединенных Штатов в плане "расстыковки" безопасности США и безопасности их европейских союзников, что способно стимулировать усилия по созданию европейского оборонного потенциала без консультаций с Соединенными Штатами.

США и Европа: различие позиций

Подход европейских союзников США к проблеме ПРО заметно отличается от позиции США. Различия просматриваются по крайней мере в следующих пунктах. Во-первых, это оценка уровня потенциальной угрозы, которую призвана нейтрализовать американская ПРО. Западные европейцы сомневаются, что у стран-изгоев когда-нибудь возникнет стремление применить баллистические ракеты и оружие массового поражения против США, даже если допустить, что у них появятся соответствующие возможности. Министр иностранных дел Франции Х. Ведрин, например, находит "несерьезными" утверждения, что такие страны, как Северная Корея, Иран, Ирак и Ливия, смогут как-то угрожать Соединенным Штатам. Он назвал исходящую от этих государств угрозу "микроскопической или теоретической". Комитет по международным делам Палаты общин парламента Великобритании пришел к заключению, что фокусировка на потенциальных возможностях, а не на реальных устремлениях стран-изгоев "делает менее правдоподобной угрозу, которой национальная ПРО должна противодействовать"⁶. С точки же зрения американцев, тот факт, что эти страны направляют столь значительную часть своих скудных ресурсов на программы, связанные с баллистическими ракетами и оружием массового поражения, служит свидетельством того, что они усматривают в приобретении соответствующих возможностей некую практическую пользу.

Во-вторых, это различие в оценке роли контроля над вооружениями и многосторонних усилий в этом направлении. Европейские страны выступают за продолжение переговорного процесса, нацеленного на выработку договоренностей, в том числе многосторонних, по ограничению вооружений и разоружению, регулированию действий в военно-политической сфере. Соединенные Штаты, считающие себя "единственной и незаменимой сверхдержавой", нередко тяготеют к односторонним акциям без оговорок на международное право и интересы других государств. Западные европейские союзники США опасаются, что развертывание национальной ПРО США приведет к подрыву всего

режима контроля над вооружениями, который сложился за последние десятилетия.

В-третьих, различия в стратегической культуре и особенно в восприятии военной уязвимости. Европейские государства, пережившие за свою многовековую историю множество вооруженных конфликтов и вторжений, как бы привыкли находиться в ситуации уязвимости. Соединенные Штаты, пространственно защищенные океанами и располагающие самой мощной военной машиной, не имеют подобного опыта. Американцы не склонны привыкать к ситуации стратегической уязвимости, незащищенности от возможного нападения, и делают ставку на свое технологическое лидерство. Программа ПРО во многом подпитывается надеждами на технологическое первенство Америки, способность США найти ответ на любые ракетные вызовы путем разработки принципиально новых военных технологий.

В-четвертых, различие в возможностях США и их европейских союзников по финансированию военных программ. США вступили в XXI век с бюджетным профицитом, сравнительно устойчивым финансовым положением, готовностью увеличить военные ассигнования. Европейские страны, несмотря на некоторый экономический рост, сталкиваются с такими проблемами, как необходимость консолидации финансовых ресурсов для обеспечения успеха евро, грядущие расходы в связи с расширением Европейского союза, сокращение военных бюджетов. Становление военного измерения в рамках ЕС также потребует немалых средств. В этих условиях европейцы не видят возможности в перспективе переключать часть ограниченных военных расходов на цели союзной (в рамках НАТО) или европейской ПРО.

Наконец, кроме этих общих трансатлантических различий есть еще и факторы, связанные с позициями отдельных европейских государств — членов НАТО. Великобритания и Дания находятся в затруднительном положении в связи с тем, что они должны будут дать согласие на модернизацию американских радарных установок (на авиабазе Файлингдейлс, Англия, и в Туле, Гренландия) в интересах создания системы, которая их никак не защитит, а, напротив, способна превратить в объект превентивного удара. Особую позицию занимает Франция, которая традиционно скептически воспринимает американские инициативы.

Противоречивая картина

Итак, заявленные в начале мая 2001 г. претензии администрации Буша-младшего на некое концептуальное новшество в обосновании нового варианта сдер-

живания с использованием оборонительных систем в действительности не имеют достаточных оснований, поскольку, как показано выше, такого рода идеи высказывались давно. Тем не менее помощник президента по национальной безопасности К. Райс все же полагает, что Буш предложил новый подход к ядерному сдерживанию⁷.

Американские консерваторы, особенно из республиканской партии, восприняли майскую речь президента по вопросам ПРО с нескрываемым восторгом и энтузиазмом. Председатель сенатского комитета по иностранным делам Дж. Хелмс заявил: "Настало время для того, чтобы Соединенные Штаты и Россия покончили с нелогичной и аморальной концепцией взаимного гарантированного уничтожения, воплощенной в Договоре по ПРО". Он подчеркнул, что "идея преднамеренной уязвимости перед лицом ядерной атаки является ошибочной..."⁸.

В то же время Р. Гепхардт, лидер демократов в Палате представителей Конгресса США, выразил "озабоченность" подходом Буша. Позиция президента в вопросах ПРО и стратегических ядерных вооружений, по его мнению, "может привести к подрыву нашей безопасности, а не ее укреплению", ибо она ставит под вопрос сложившиеся рамки контроля над вооружениями и подрывает глобальную стабильность⁹.

Многие американские специалисты выступили с критикой планов Буша в области ПРО. В аналитическом материале Фонда Карнеги указывается, в частности, на то обстоятельство, что администрации Рейгана, Буша-старшего и Клинтона израсходовали на исследования по ПРО около 60 млрд дол., но так и не добились каких-либо впечатляющих результатов. Сотрудники Института Брукинса И. Даалдер и Дж. Линдсей обратили внимание на то, что президент Буш не смог обрисовать какие-либо конкретные контуры самой системы ПРО, ее стоимости и способа ее развертывания. Они высказали предположение, что президент специально зафиксировал "максималистскую позицию", чтобы позднее добиться наиболее выгодной договоренности с Россией. Однако если "новые рамки", о которых рассуждал Буш, являются всего лишь тактическим прикрытием для выхода из Договора по ПРО, то президент поведет страну рискованным курсом¹⁰.

Опасность территориальной ПРО в контексте стратегической стабильности видится прежде всего в том, что ее создание сделает структуру стратегического баланса менее устойчивой, более хрупкой. Введение в состав стратегических сил Соединенных Штатов принципиально нового компонента в виде системы ПРО еще более усложнит военно-стратегическое уравнение, делает его эволюцию малопредсказуемой.

¹ The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University, Fort Lesley J. McNair, Washington, D.C. 2001. May 1.

² Nacht M. The Politics: How Did We Get Here? // The Washington Quarterly. 2000. Summer. P. 88.

³ Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of U.S. — Soviet Contest. Boston; New York, 1986. P. 166—168.

⁴ Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. 1998. July 15.

⁵ One Hundred Sixth Congress of the United States of America at the First Session. National Missile Defense Act of 1999 (Enrolled Bill). Sec. 2.

⁶ Gordon P.H. Bush, Missile Defence and the Atlantic Alliance // Survival. 2001. Spring. P. 23.

⁷ Rice Hopeful on Coming U.S. Missile Defense Talks // Reuters. 2001. May 6.

⁸ Congressional Report: Helms Backs Bush on Defense // U.S. Department of State. Office of International Information Programs. 2001. May 2.

⁹ Congressional Report: Gephardt Concerned about Missile Defense // U.S. Department of State. Office of International Information Programs. 2001. May 2.

¹⁰ Daalder I. H., Lindsay J. M. Missile Defense Plan Short on Substance // Newsday. 2001. May 2.

SUMMARY

"The USA and the ABM Issue" (Anatoly Rozanov)

The article analyses the evolution of the US approach to the ABMT over the last decades. Special attention is given to the arguments of the supporters and the opponents of deployment of the ABM defence system in the US and to the assessment of the differences in the treatment of this problem by the USA and their European NATO allies. The article shows that the claim of George W. Bush's administration for the conceptual innovations in grounding the new deterrent strategy variant based on defensive weapons does not stand up under scrutiny. A conclusion is drawn that the establishment of the ABM territorial system could undermine strategic stability and adversely affect the relations between the US and Russia.